

Цуй Се скромно произнес:

— Я прочел его когда-то в записках времен династии Юань. Там говорилось, что в Западных краях способ варки отличается от принятого у нас в Великой Мин. Мне показалось, что рецепт хорош, и я подумал, что сам когда-нибудь сварю это вино, вот и запомнил. А куда делась книга — и не вспомню. Дядюшка Юань, если считаешь, что такого рецепта достаточно для подарка в знак благодарности, напиши от моего имени письмо и приложи его для цянху Се.

— Хорошо. Тот цянху Се не просто спас вас из-под клинка патриарха Учения Белого Лотоса, но и, увидев ваши раны, поинтересовался вашим здоровьем, да еще и согласился написать письмо, чтобы умиловить господина. Он добрый человек, подарить ему этот рецепт ничуть не жалко.

Цуй Юань со вздохом покрутил головой и, положив рецепт, добавил:

— Я в свое время, подле господина, немного натаскался в переписке. Как напишу, прошу молодого господина проверить и исправить.

Написано было крайне просто, без особого изящества, но зато обстоятельно и искренне, подкопаться было не к чему. Сам Цуй Се в прошлых воплощениях древнекитайскому особо не учился и никаких изысканных украшений добавить не мог, так что просто запечатал письмо вместе с рецептом и передал императорскому лекарю Лю, чтобы тот доставил его в столицу.

Получив письмо, цянху Се тут же отправил ответного гонца. Послание было написано столь же просто, без замысловатых классических аллюзий: он без лишних слов поблагодарил, похвалил рецепт и пообещал прислать пару бутылей на пробу, когда вино приготовится, а напоследок намекнул, что вскоре стоит ждать радостных вестей.

Когда посланник семьи Се ушел, Фу Хао, окружной начальник Тунчжоу, тоже прислал своего советника Лю в сопровождении нескольких писарей проводить Цуй Се на постоялом дворе. Советник Лю осыпал юношу похвалами, после чего подробнейшим образом расспросил о том, как тот помогал Цзиньвэям схватить еретиков из Учения Белого Лотоса. Он восхищался его умом, мужеством и преданностью престолу, уверяя, что Цуй Се достоин своего отца и блюдет семейный завет сыновней почтительности и верности.

Эти слова, разумеется, предназначались не столько самому юноше, сколько его отцу — Цуй Цюэ, находившемуся в столице. Цуй Се пропустил славословия мимо ушей и в ответ принялся нахваливать Фу Хао: мол, тот любит народ, словно собственных детей, и под его началом царят строгие и чистые нравы. Потому-то бунтовщики, хоть и сверкнули яркой вспышкой, подобно фейерверку в ночном небе, не нашли в округе никакой горючей почвы. Еретики лишь пошумели какое-то время, а как только властям пришло время действовать, их без труда скрутили.

Глаза советника Лю блеснули. Он улыбнулся:

— Верно! Молодой господин истинно умен и наделен редкой проницательностью! Эти бесовские отродья из Учения Белого Лотоса годами гнездились в Шаньдуне. Сюй Инчжэнь и прочие еретики решили, будто у них там прочные корни, и заявили в Тунчжоу сеять смуту, туманить умы подданных и раскидывать сети своей злодейской веры. Но они не учли, что наш Фу Хао годами неустанно наставлял и пестовал народ! Простые люди привязаны к престолу, как дети к родителям, с чего бы им идти за еретиками? Здесь эти злодеи — что вода без истока и дерево без корней, оттого и «гибель их была стремительна»!

Ведь в Тунчжоу объявились еретики Учения Белого Лотоса, а значит, Фу Хао грозил докладывать императору с повинной. Вчера, когда Цзиньивэй ушли, окружной начальник полночи не мог сомкнуть глаз. Советник, естественно, тоже места себе не находил. Сегодняшний визит на постоянный двор был лишь пустой формальностью, но кто бы мог подумать, что этот юнец небрежным замечанием подскажет идеальный ход для оправдательного доклада! Если хорошенько отшлифовать эту мысль, можно не просто замять дело о сектантской смуте, но и представить все как неоспоримое доказательство того, насколько успешно Фу Хао просвещает и окормляет подданных!

От былой наигранной вежливости не осталось и следа. Советник Лю принялся с горячим участием расспрашивать Цуй Се: кто его наставник, какой канон из Пятикнижия он изучает и когда собирается пробовать силы на экзаменах.

Эти вопросы попали в самое больное место Цуй Се: он понятия не имел, как продвигалось обучение у прежнего хозяина этого тела, а потому мог лишь отчаянно закашляться. Пэн Янь поспешно налил ему чаю и ответил за хозяина:

— Прежде молодой господин учился у дядюшки Сюй. Четыре года назад дядюшка получил назначение на должность начальника уезда Цишуй, и тогда госпожа наняла для двоих молодых господ господина Лу — цзюйжэня из Цзянси, Лу Чжуншэна. Позже Лу Чжуншэн ушел готовиться к экзаменам, и молодой господин два года учился сам. К настоящему времени он полностью прочитал Четверокнижие, но к систематическому изучению канонов из Пятикнижия еще не приступал.

Советник Лю ахнул от изумления:

— До сих пор не изучает каноны?

Ладно бы сын чиновника из Министерства финансов, но даже у обычных грамотеев дети к семи-восемью годам назубок знают Четверокнижие! Молодой господин выглядит столь тонким и проницательным юношей, а на деле лишь осилил Четверокнижие и даже не начинал по-настоящему читать каноны?

Опомнившись, советник Лю осознал, что ляпнул лишнее, и осторожно взглянул на Цуй Се. Увидев, что тот опустил глаза, он принял это за смущение от столь медленных успехов в учебе и мягко проговорил:

— Суть государственных экзаменов — досконально постичь смысл канонов мудрецов и толкования Чжу-цзы, дабы излагать мысли с позиции древних праведников. Академик Ханьлинь Цуй тратит много времени на укрепление основ, благодаря чему его познания созреют и дадут обильный плод. Это куда лучше, чем у тех, кто гонится за скоростью и пытается сочинять работы, толком не освоив суть канонов. У вас сочинения получатся куда более глубокими и основательными.

Хотя он и попытался сгладить углы, советник Лю всё равно чувствовал себя неловко: выходит, он прилюдно ткнул пальцем в невежество сына высокого чиновника. Испытывая крайнее смущение, он решил не задерживаться. Оставив стихотворение, лично написанное Фу Хао, и комплект изысканных письменных принадлежностей, советник поспешил откланяться.

После ухода советника Лю к Цуй Се один за другим стали приходить новые гости.

Он проживал на постоялом дворе в статусе сына чиновника Министерства финансов и храброго юноши, помогшего Цзиньивэям схватить еретиков. Да к тому же сам окружной

начальник прислал к нему своего доверенного человека! Понятное дело, местная знать и чиновники всех мастей не желали оставаться в стороне: кто приходил лично, кто посылал слуг с изъявлениями почтения. Постоялый двор ежедневно ульем бурлил от гостей — совсем как в будущем, когда знаменитого блогера кладут в больницу, и к нему нескончаемым потоком валят журналисты с репортерами.

Разумеется, все с молчаливого согласия «забыли», что ягодицы юноши избил его собственный родитель, и делали вид, будто все раны он получил в схватке со злодеями.

Предупрежденные советником Лю, посетители избегали разговоров о восьмичленных сочинениях или поэзии. Стоило им войти, как они осыпали его комплиментами вроде «светлый разум» или «облик дракона и феникса», после чего переводили разговор на местные традиции и дарили свежие сборники песенных сказов, отпечатанные в лавке Юншуньтан. Цуй Се изо всех сил старался подражать речи людей эпохи династии Мин. Если он чего-то не понимал, то делал вид, что не расслышал, а едва речь заходила о семье, тут же печально опускал голову и ронял слезу. Тогда растроганный Пэн Янь тут же приходил на помощь и отвечал за него. Благодаря этому серьезных проколов удавалось избегать.

Проводив очередных визитеров, Цуй Се приходилось изображать тоску по родителям и жизни в столице, чтобы незаметно выуживать из слуги и его отца сведения о родне, знакомых и прошлом прежнего владельца тела.

Пэн Янь был парнем мягкосердечным: стоит Цуй Се тяжело вздохнуть и завести разговор о том, как он скучает по дому, как слуга принимался предаваться воспоминаниям вместе с ним. Что же до Цуй Юаня, то тот с малых лет служил его отцу и прекрасно знал старшее поколение, так что, меняя повязки, раз за разом вздыхал: «Вот была бы жива госпожа...»

После десяти дней упорного труда Цуй Се наконец-то распутал сложный клубок семейных связей прежнего хозяина тела.

Предки семьи Цуй были из тех, кого в годы правления под девизом Юнлэ принудительно переселили с юга в Бэйчжили. Впрочем, старый прадед Цуй оказался умелым земледельцем и хозяином: он сумел нажить десяток-другой цинов отличных поливных земель. К поколению деда роду улыбнулась удача — у него родился умный и способный к учебе сын Цуй Цюэ. Чтобы оплатить его обучение, земли сдали в аренду арендаторам, а сами с женой и сыном перебрались в уездный город Цяньань.

В возрасте восемнадцати лет Цуй Цюэ женился на госпоже Лю, дочери действующего цяньху из главного города управы. Хотя госпожа Лю происходила из семьи военных, она отличалась изысканным вкусом и слогом, умея слагать стихи вдвоем с мужем. После свадьбы Цуй Цюэ стремительно покорял вершины экзаменационной системы: на втором году правления Чэнхуа он сдал экзамен на степень цзиньши и получил назначение на должность в столице. Забрав родителей и жену в столицу, дом в уезде он сдал в залог шэньюаню, открывшему там частную школу.

К несчастью, успешная карьера главы семейства сопрягалась с чередой домашних бед. Спустя два года после переезда в столицу старого господина поразил удар. Вскоре после этого госпожа Лю, ухаживая за больным свекром на сносках, переутомила, пережила тяжелые роды и скончалась. Госпожа Сун, которой приходилось одновременно выхаживать разбитого параличом мужа и заботиться о новорожденном внуке, через несколько лет тоже слегла с болезненным сердцем. Сяо Цуй Се пришлось отправить учиться на внешний двор, а сама бабушка уединилась в покоях, молясь Будде и восстанавливая здоровье.

После смерти госпожи Лю Цуй Цюэ решил, что во всем виновата плохая фэншуй предков. Он вернулся на родину, чтобы перестроить родовые гробницы, перенес храмовые дощечки предков в столицу и с тех пор в Цяньань ни разу не возвращался. Позже он взял в жены дочь ушедшего на покой столичного чиновника — нынешнюю госпожу Сюй, которая и встала во главе хозяйства, а на следующий год родила ему второго сына, Цуй Хэна.

В задних покоях дома Цуй жили еще несколько наложниц. Только одна из них, по фамилии У, родила побочного сына по имени Цуй Хэ, которому исполнилось лишь пять лет. Кроме того, имелись две побочные дочери: старшая, Цзяо-цзе, два года назад вышла замуж за сына цзюйжэня, который сдал экзамены в один год с дядюшкой Сюй, и теперь проживала со свекрами по месту службы мужа в Лучжоу; младшая, Юнь-цзе, едва перешагнула десятилетний рубеж, и жениха ей пока не искали.

Что касается самого прежнего владельца тела, о нем и сказать-то было нечего: с малых лет сидел дома за книгами и за всю жизнь едва ли пару раз переступал порог. С единоутробными братьями и сестрами особой теплоты не питал, друзей на стороне не завел, да и учился кое-как — о последнем, впрочем, Цуй Се догадался не по словам Цуй Юаня с сыном, а по поведению советника Лю.

<http://bllate.org/book/18372/1761236>